

УФИМСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ВЫПУСК 1

Эдуард Байков
Уфимская литературная критика. Выпуск 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9094588
(Уфимская литературная критика. Выпуск 2: Сборник литературно-критических статей и очерков. / Авт.-сост. Э.А. Байков: Акулы пера; Уфа; 2004*

Аннотация

Данный сборник составлен на основе материалов – литературно-критических статей, литературных обзоров и рецензий, опубликованных в московской и уфимской периодике: в интернет-журнале «Пролог» в 2004 г., в газетах «Истоки» и «Русский язык» в 2002–2003 гг.

Содержание

Виктор Ханов	5
Виктор Ханов	9
Виктор Ханов	12
Виктор Ханов	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Уфимская литературная критика. Сборник литературно-критических статей и очерков. Выпуск 1

© Э.А. Байков, 2003

Виктор Ханов «Гнев авторов или Бодяга поденщиков?»

Что может быть нового в детективной литературе? Существует несколько традиционных тем (расхожих шаблонов), по которым строится сюжет, и которые уже всем приелись: скучное повествование об одиночке – частном лице, ведущим приватное расследование на свой страх и риск, исходя из моральных побуждений либо азарта («детектив-задача» и «детектив-загадка»); или же описание банального расследования преступления частным сыщиком или полицейским («полицейский детектив»); или сюжет с главным героем – преступником («гангстерский» или «криминальный детектив»), к которому можно относиться с негодованием или, наоборот – с симпатией (зависит от позиции самого автора). Так чем же можно удивить искушенного и пресыщенного читателя – любителя детективных историй? Конечно, потоком неприкрытого цинизма, насилия и ужаса. Нагромождением зла в его крайних и отвратительных проявлениях.

Что авторы-детективщики, начиная с послевоенных лет, и по сей день, вначале, в основном, на «диком» и «загнивающим» Западе, и делают. А ныне, с торжеством не менее дикого капитализма в России, подобная тенденция утвердилась и у нас. Как вы поняли, речь идет о непрекращающемся вале так называемого «милиейско-детективного» и «братковско-криминального» чтива для ошалевших от хлынувших на них рыночных отношений невзыскательных читателей-россиян. Впрочем, процент читателей постепенно и неуклонно все более уменьшается в пользу видео– и телезрителей и пользователей-юзеров. И все же не оскудела земля русская, как на широкие массы читательской аудитории, так и на славных тружеников пера (то бишь кейборда).

Вот и у нас, в Башкортостане, в стольном граде Уфе, имеется свой, достаточно известный в определенных кругах, писатель Эдуард Байков – автор не так давно вышедшей книги «Гнев». В заглавии черным по белому написано, что сие творение – криминальный роман. Сразу же стоит отметить явную несурязицу: автор нарушает все принятые каноны жанра. Проявляется это в жанровом разрыве единой композиции – роман не является цельным в жанровом отношении произведением. Действительно, выражаясь «киношным» языком, первая часть романа представляет собой криминальный боевик (детектив открытого типа), вторая же – психологический триллер (классический детектив).

Напомню: в классическом детективе фабула строится на описании (или просто обозначении) совершенного преступления и его дальнейшем раскрытии полицией (милицией), частным сыщиком, юристом или вообще непрофессионалом приватным образом. Завязка, действие, интрига, развязка – все четко, все ясно. В детективе открытого типа все традиционные каноны смешаны, проигнорированы, пиши о чем и как угодно, лишь бы основной канвой все же была криминальная тема. Но позвольте, нельзя же принимать нас, читателей, за шизофреников с раздвоенным сознанием: одна часть боевик, другая – триллер. Автору надо было бы дописать еще третью – мелодраму, и получился бы премилый литературный винегрет. Авось читатель да проглотит, не поморщившись.

Теперь о главном герое. Здесь писатель показал себя типичным продолжателем «славного» дела, с одной стороны, достойных всяческого уважения, более-менее серьезных Джеймса Хэдли Чейза и Дэшила Хэммета, а с другой – примитивно-убогих Картера Бруна и Микки Спиллейна. Отличительной особенностью творчества этих авторов, если кто не помнит, является воспевание отрицательного героя. У них злодей борется со злодеями всеми возможными (как правило, недозволенными) способами и приемами, как то – кулаками, холодным и огнестрельным оружием, а также подлостью, коварством, жестокостью и

полным пренебрежением к чужим жизням. Эти подлецы и негодяи (те же сыщики и полицейские) как бы представляют собой меньшее зло, нежели их многочисленные супостаты в произведениях. При этом забывают, что всегда есть ЗЛО, хоть большее, хоть меньшее, хоть в микродозах. Персонажи большинства «криминальных детективов» аморальны и ничего, кроме отвращения, у нормального человека вызвать не в состоянии. Положительные эмоции подобные «герои» могут возбудить лишь у таких же дегенератов, психопатов, убийц и садистов, и всех прочих «белокурых бестий», как они сами.

На мой взгляд, не избежал подобных разрушительных в психологическом и духовно-нравственном отношении тенденций и наш земляк. Байков пытается показать своего героя – Роберта по кличке Маугли, наемного убийцу, суперликвидатора – человеком, которому не чужды гуманные порывы: раскаяние, сострадание, своеобразный кодекс чести. Этакая заблудшая душа (падший ангел), постепенно перерождающаяся к лучшему под влиянием любви. Весьма неубедительно. Где вы видели безжалостных убийц-профессионалов с сентиментальными порывами «еще не в конец огрубевшей души» и слезливыми признаниями у ног подружки? Волк с овечьим сердцем – сказка, да и только! Да и само духовное перерождение совершается столь стремительно, что просто диву даешься: воистину загадочна широкая русская душа!

И тут же мы видим, что герой-то плутоват, несмотря на все свои духовно-экзистенциальные порывы – и от кровавых денежек не полностью отказался, кое-что сберег втайне даже от своей возлюбленной, перед которой клялся и божился, что «завяжет» бесповоротно; и надеялся перехитрить всех и вся, даже самого себя, дабы выйти сухим из воды. Но как мы знаем, в том мире (мрачном, мерзком и жестоком), где обретает Маугли, вход копейка, а выход – рупь. Наивны и рассуждения автора о прямо-таки редкой (если не сказать: чудесной) удачливости киллера. Например, в сцене с гомосексуалистом Рябцевым герою удается «и невинность сохранить, и...». Одним словом, повесть для юношества, где «я и от волка ушел, и от медведя ушел, а от тебя, лиса и подавно уйду». Не удалось уйти (финал 1-й части). Правда, автор то ли из-за личной приязни к герою-киллеру, то ли в результате садомазохистских наклонностей, стреляет и калечит (превратив в обездвиженного инвалида) не Маугли, а его возлюбленную. Так, мол, наказывает судьба (рок, карма, Бог и т. п.) оступившихся героев.

И надо же, какой благородный типаж: не бросает свою любимую, живет с инвалидкой и мучается от осознания своей вины. Достоевщина какая-то! Вот вам и преступник, вот и кровавый отщепенец – дескать, лучше многих добропорядочных обывателей. Что ж, спорить не будем, в жизни действительно всякое случается.

Еще одна сентенция – по поводу натуралистического описания сцен убийств и перестрелок, которым грешат подавляющее большинство современных авторов, работающих в этом жанре. Нельзя сказать, что Эдуард Байков смакует сцены насилия, но и явно не скромничает. Так как, по сути, первая часть – наглядное изображение «трудовых будней» наемного убийцы, то и здесь периодически льется кровь, разбрызгивается мозговое вещество, разлетаются в клочья человеческие тела. Такая вот «страшная сказка для взрослых». Спрашивается: а нам это надо? Раз покупаем, читаем – значит, надо. Следовательно, сами достойны таких произведений и подобных героев.

Все это выглядело бы смешным, если бы не было так грустно. Роберт Маугли у Байкова жил не тужил, постреливал себе «таких же мерзавцев, как и их заказчики» (что само по себе отнюдь не оправдывает героя-убийцу) и, вдруг, однажды прозрел (вначале наслаждаясь с подружкой отдыхом на Кипре, затем в донельзя криминализованной Москве). А до этого он, значит, считал себя, если не ангелочком, то уж святым подвижником точно?! Позвольте, самый тупой преступник понимает, что является изгоем, если только он не Маугли, выросший среди зверей (речь идет не о Роберте Маугли Байкова, а о герое Киплинга). Да и то, к слову сказать, животные ведь не убивают себе подобных из корысти или ради развлечения.

Теперь о второй части, где Маугли с женой-инвалидкой, до того почти в одиночку перебив всю (!) преступную группировку, на которую успешно работал столько лет, перебирается из столицы страны в другую столицу – суверенной республики (по всем признакам автор описывает Уфу). Здесь повествование в большей степени акцентируется уже не на киллере-оступнике, а на фигуре еще более зловещей и кошмарной – серийном убийце, маньяке. Этого монстра совсем как в детских стихах «ищут пожарные, ищет милиция, ищут везде и не могут найти». К делу даже подключается профессор-психиатр. В общем, вы уже, наверное, догадались: бывший киллер решил тряхнуть стариной и сам найти, а затем и покарать убийцу-маньяка, что ему, в конце концов, и удастся (хотя и не сразу, да и то по чистой случайности). Концовка романа банальна – меньшее зло уничтожило большее зло, но от этого быть злом не перестало. Это понимает и сам Маугли, с грустью признающийся своему приятелю-«оперу» (весьма избитый в настоящее время сюжетный ход – дружба преступника и сыщика), что, мол, хоть он и попытался смыть с себя кровь прежних жертв, но опять же пролитием очередной крови, пусть и злодея.

Во второй части вместо пространного описания кровавых злодеяний маньяка автор уводит читателя в мир подсознания спятившего на психосексуальной почве преступника. Постепенно раскрывает перед нами картину усиливающейся патологии психики убийцы, ретроспективу его личного помешательства, которое выплескивается из мира грез в реальность кровавым безумием. С одной стороны, это похвально, с другой же – рассказы психиатра о зверствах и извращениях известных исторических лиц и прочие психопатологические откровения, как и жуткая деградация самого «несуба» (неустановленного субъекта), оставляют весьма тягостное впечатление. Настоятельно рекомендую: слабонервным, а также детям и пожилым не читать.

Конечно, познания автора в вопросах глубинной психологии и фрейдистско-юнгианских учений несомненны и бесспорны. И познания глубокие – это видно невооруженным взглядом. Здесь можно согласиться с мнением рецензента А. Леонидова – действительно, в мировой (!) художественной литературе до сих пор подобный анализ содержимого психики серийного убийцы не встречался. Массовому читателю, полагаю, всевозможные психоаналитические выкладки и «откровения» все еще видятся в свете некой мистики, несмотря на строго научные достижения в этой области. Все же, пожалуй, не стоило «загружать» читателя не всегда понятными его (читательскому) разумению и откровенно мрачными патопсихологическими пассажами. Впрочем, вполне объяснимо стремление автора блеснуть своей эрудицией.

Кроме всего прочего роман явно страдает от недостатка юмора. Автор чересчур серьезен и даже мрачен, чтобы расцветить сюжет ироничными ситуациями и высказываниями. Понятно, что тема убийства по найму, а в особенности – кровавых «подвигов» безымянного маньяка, отнюдь не способствует веселью и искрометному смеху, и все же... Произведения, не одобренные щедро остроумными замечаниями и смешными эпизодами, выглядят скучными и унылыми сочинениями сухого документалиста. В них нет подлинной жизни с ее радостями, а не только огорчениями. Авторам, подобным Э. Байкову, необходимо научиться сдерживать свой сарказм и ипохондрию, и не изливать желчь на безвинных читателей. В особенности, сегодня, когда триллеры всем осточертели, а жизнь сама «покруче» всякой драмы, и публика нуждается в чтении более легком и приятном, нежели криминальные трагедии и кошмары.

Какой можно сделать вывод из всего вышесказанного (и прочитанного внимательно романа Э. Байкова «Гнев»)? Вывод весьма неутешительный: чем далее общество движется в своем развитии, тем все более оно становится аморальным и низкопробным в своих культурных проявлениях. Соответственно, остросюжетная беллетристика все больше примитивизируется и выходит за рамки цивилизованности и гуманности. Авторы насаждают на стра-

нищах своих произведений грязь, разврат и насилие (прежде всего насилие!), тем самым, прививая читателям определенный вкус к этой продукции. Но, в то же время, и книжный рынок (в лице издателей, редакторов, критиков, а также потребителей) вынуждает писателей творить на потребу публики, уже полвека очарованной «массовой культурой» и жаждущей низменных развлечений. Получается замкнутый порочный круг. Если ты не пишешь «круто» (с мордобоем, убийствами, сексом и ненормативной лексикой), то тебя не то, что читать, и издавать-то не будут.

Убогость воображения, шаблонность сюжетного мышления, нагнетание нелепых ужасов и дешевых сенсаций, смакование насилия по поводу и без повода – все это (как ни печально) характеризует современную остросюжетную прозу. Многие из вышесказанного не удалось избежать и Эдуарду Байкову. Мой автору совет: не лучше ли ему попробовать свои силы в «серьезной» литературе. По-моему, у него это должно получиться. Стоит только попробовать. Благодарю Э. Байкова за то, что в его романе хотя бы не нашел ставших уже привычными мата, откровенных порноскен и частого смакования изощренных убийств. Спасибо и на этом! Меньше юных душ будет искалечено. Впрочем, и написанного в романе «Гнев» достаточно, чтобы запретить его для чтения детям до 16-ти. Напоследок о названии: то ли автор испытывает гнев к своим персонажам, то ли Маугли гневается на своих «работодателей», а затем и на маньяка, то ли маньяк испытывает ненависть ко всему миру, то ли все мы ждем в страхе гнева Господнего, который однажды (когда чаша терпения переполнится) прольется на нас, грешных в своем гневе и гордыне.

Виктор Ханов «Певцы геенны или Бред визионеров?»

Вот тема для культурологического (и литературоведческого) обсуждения: секс и мистика, мистика и секс. Но может ли быть мистически-сексуальным искусство? Да, может, например, музыка французской группы «Энигма». Например, картины художников-фэнтезистов Бориса Валеджо и Джулии Белл. И, например, романы Стивена Кинга, Боба Мак-Каммона, Дина Кунца и Роберта Блоха. В каждом из произведений вышеперечисленных авторов, как бы это ни было завуалировано, таится мощный заряд ЛИБИДО, которое тесным образом переплелось с мистическим видением мира. То же самое относится и к многочисленным эротико-мистическим фильмам Голливуда.

Вот и в нашем славном Башкортостане вышел в свет роман «ужасов» Расуля Ягудина – «Полная луна». Помимо леденящих душу историй в духе готического («черного») романа, с присущим этому жанру нагнетанием мистических ужасов, кошмарных видений и невыносимо напряженным повествованием, автор также продолжает традицию маркиза де Сада, Генри Миллера, Эммануэль Арсан, Эдуарда Лимонова и Владимира Сорокина, с их непристойными откровенностями и выставлением на всеобщее обозрение содержимого своей корзины с грязным бельем.

Вообще, это основополагающая тенденция современной прозы: в погоне за дешевой сенсацией многие авторы сегодня выходят за сдерживающие рамки приличия. Вслед за ними и Расуль Ягудин, не убоившись справедливого и беспощадного гнева критиков, дал волю тем низменным чувствам, что наполняют подсознание (а подчас и сознание) множества людей, и которые в приличном обществе умело скрываются от глаз посторонних. Преодолеть все грани дозволенного – таков девиз и лейтмотив нынешней, как элитарной, так и массовой литературы.

Весьма серьезный недостаток романа и одновременно главная ошибка автора (в смысле веяний времени) – использование в тексте ненормативной лексики. Говорят, что в отдельных местах некоторых произведений мат оправдан. Подлая неправда! Площадная брань в литературе не может быть оправдана никогда и нигде! В жизни автор вправе поганить свой язык, но на бумаге – изволь соблюдать приличия. Вы не дикарь, и не подзаборный пьяница, а ПИСАТЕЛЬ! Раз уж пишете не в стол, а для широких слоев читающей публики, будьте добры, поддерживать реноме. Те места, где автор дает волю себе и своим героям по части низкопробной ругани, читать просто противно и неприятно. Мы, читатели – не пьяная матросня из портовых кабаков.

А чего стоят описания отношений между мужчиной и женщиной. Цинизм из автора так и прет. Все девушки у него «слабы на передок», просто нимфоманки какие-то. Пытаясь изобразить юную героиню самоотверженной и благородной, автор рисует портрет шлюхи, готовой отдаться ему, автору (так в тексте) только за то, чтобы тот пособил ей в поступлении в вуз. То ли время сейчас такое пошлое и подлое, то ли образ Сонечки Мармеладовой не давал автору покоя (если, конечно, Ягудин – любитель чтения великого Достоевского). Вот, мол, современная развратная (как сейчас говорят: «продвинутая») девица, а туда же – способна на подвиг, пожертвовала собой во имя справедливости. Весь этот надрыв (если бандит – так герой, если проститутка – прям жена-декабристка) неубедителен.

Досаду вызывают и ничем не оправданные длинноты. Обилие сложносочиненных и сложноподчиненных предложений с немислимым множеством разнообразных придаточных просто поражает всякое воображение. Это, извините за резкость, насилие над бумагой и злостное неуважение интересов и внимания читателя. Ибо он, читатель – не автомат, загла-

тывающий целиком любую информацию и переваривающий ее в своем чреве, а живой человек со своим эмоциональным миром и ментальностью. Время авторов прошлого, выписывавших удлиненные («изошренные») предложения, давно прошло. Современному читателю это явно не по душе. Не следует забывать, что мы живем в постиндустриальном обществе, с его бешеным ритмом. Высокая скорость жизни, быстрая смена ситуаций, текучесть вещей, четкая сжатая информация, простота в общении и изложении – все это реалии наших дней. Благоклонно читателями воспринимаются ясные и не длинные предложения. Таков выигрышный стиль. В противном случае, читатель может и потерять нить рассуждения автора, а последний – потерять своего читателя. Немало в романе и тавтологии, ненужных повторов, неудачных преувеличений, уместных лишь в поэтическом творчестве.

Весьма подробное (в деталях) описание эротических сцен насыщено стихией яростной либидиозной энергии. Такое ощущение, что автора переполняет неистовая мощь сексуальной силы, требующей выхода. Сцены эти настолько откровенны, что вполне годятся для чисто порнографических сочинений. При этом извращенная фантазия Р. Ягудина не ведает границ. Мистика плюс секс – чрезвычайно горячая смесь. Скорее всего, среди людей старшего поколения ничего кроме омерзения и скуки это не вызовет, молодежь же примет «на ура». Для одиноких мужчин подобное чтение – прекрасное развлечение.

Из всех персонажей романа наиболее ярким представляется Ходжа, образ которого, впрочем, автору не удалось раскрыть до конца. Чувствуется, что этот типаж Ягудину близок, возможно, даже он писал его с себя, или же Ходжа – сублимация подсознательных желаний и стремлений автора выглядеть «крутым», хладнокровным и бескомпромиссным.

Любопытным художественным приемом, так сказать, авторской «фенечкой» является периодическое упоминание о самом себе устами персонажей – ввод себя любимого в виртуальную реальность литературно-художественного текста. Автор явно не скромничает, если не сказать, что ему присущ комплекс Наполеона (или мания величия). А может это просто самореклама?

К числу положительных сторон авторского стиля следует отнести отсутствие пространственных заумных рассуждений о смысле бытия и человеческой жизни (чем грешат многие начинающие авторы), псевдонравственных и скучных (если не сказать – занудных) наставлений и сентенций в духе почившего в бозе соцреализма, ненужных морализаций по поводу и без оно, любовно-сиропных разглагольствований в духе куртуазной литературы («розовых соплей»), высокопарщины и резонерства. Всего этого, к счастью, роман Р. Ягудина по большому счету лишен (за исключением отдельных неудачных мест, но их не так уж и много). Достоинством книги также является хороший переплет (в мягкой, но глянцевой обложке, с цветными иллюстрациями).

На высоте – общая динамика сюжетной линии, как и высокое напряжение сюжета, поддерживаемое автором практически на протяжении всего романа. Весьма интересны и авторские экскурсы в башкирский фольклор и мифологию. Традиционный сонм нечисти дополняют национальные злоеющие персонажи сказок и мифов. Чего стоит одна Аждаха – некий аналог апокалипсического Зверя. Вообще образы всевозможной нежити Ягудиным выписаны с удручающей подробностью и яркостью. Автор словно смакует изображение всей этой inferнальной «тусовки» без прикрас. Расправы людей с монстрами, и монстров с людьми, описаны с натуралистическими подробностями – кровь (чистая и нечистая) льется рекой, разлетаются отрубленные или оторванные части плоти, пир нечистой силы идет горой, громко чавкают отвратительные пасти, исходящие смрадным дыханием. При этом вурдалаки, мертвецы, оборотни и демоны кажутся вполне реальными (в этом заслуга автора), а отнюдь не выдуманными сказочными персонажами.

Теперь об идейном мире и проблематике романа. О чем автор хотел сказать в своем произведении? Что он желал выразить на страницах книги? В идейном отношении в романе

мы можем обнаружить следующие авторские замыслы и воззрения. Во-первых, автор хотел показать сплоченность людей перед общей бедой, грозным нашествием сил тьмы и разрушения; при этом наглядна роль лучших из них, вставших на сторону добра и жизни, как и позиция худших членов общества, принявших сторону зла и смерти, дрогнувших перед врагом (при этом проводится идея о том, что именно избравшие «светлый» путь одерживают в итоге победу, получая в награду жизнь и благодарность спасенных). Во-вторых, речь идет о путях проникновения зла и деструктивности в наш мир – это, прежде всего моральная распущенность, похотливые устремления и развратный образ жизни; деградируя нравственно, человек подпадает под влияние inferнальных сил (другой вопрос, что показать это можно было иными художественными способами и средствами). В-третьих, автор предупреждает людей о возможности катастрофического исхода для всей цивилизации – и не важно, придут ли демоны извне, или мы выпустим их наружу из самих себя; эсхатологическое пророчество имеет смысл само по себе – нашествие инопланетян ли, inferнальных существ или фашистской орды – лишь антураж, сюжетный ход. И, наконец, в-четвертых, Ягудин уверен, что спасти мир от неминуемой гибели – Армагеддона (inferнального, ядерного, экологического) способна лишь группа Избранных (ведунов, Посвященных, сверхлюдей, Посланцев). Такковы основные идеи романа «Полная луна». Главная проблема произведения – это проблема нравственного (точнее, духовно-нравственного) выбора. Перед персонажами романа в какой-то момент встает дилемма: склониться перед злом, уступить ему, служа и получая запретные удовольствия, или же противостоять всему темному и греховному, обрекая себя на нелегкую борьбу, страдания и лишения, а, возможно, и гибель. Таким образом, автор использует сразу несколько типов проблематики: прежде всего этической (нравственной) и отчасти философской, но и мифологической тоже (проводится мысль, что inferнально-мифические существа – не выдумки темного люда, а подлинная, до поры скрытая от нас реальность).

Пафос романа проникнут отчаянием, безысходностью, страхом перед будущим и одновременно страстными, яростными попытками вырваться из пагубных теней мрака, одержать над тьмой победу любой ценой, презрев смерть и ужас inferно. Это – героико-трагический пафос. В целом, композиция романа напоминает «inferнальные эпопеи» Стивена Кинга («Салимов удел», «Противостояние») и Роберта Мак-Каммона («Они жаждут», «Кусака»). Повествование очень жесткое, автор рисует мрачную атмосферу страхов и безысходности, полную жути картину нашествия inferносуществ на человеческий мир, в массе своей совершенно неготовый к подобному повороту. Это – сценарий конца света а-ля Ягудин, двухсот двадцатистраничное нагнетание ночных ужасов и кошмарных видений, «Сумеречная зона» по-уфимски. В этом – тематика произведения. Подходя более обобщенно, можно сказать, что все сводится к извечной теме борьбы добра и зла на Земле. Любители «отца черной мистики» Г. Лавкрафта получают пусть болезненное, но зато истинное удовольствие.

Виктор Ханов «Современные эпигоны или Вычурность стиля?»

В предыдущих публикациях («Истоки» №№ 5, 8) я уже отмечал, что современные авторы предпочитают низкопробное бумагомарание серьезному стилю, погрязая в описании насилия и криминала («Гнев авторов или бодяга поденщиков?»), либо страшая читателя нелепыми кошмарами и жутью («Певцы геенны или бред визионеров?»), и все это сдобрено неправдоподобно большими порциями непристойностей, порнографии и ненормативной лексики. Обычно такие произведения вовсе не замечаются, или разбираются подробно, если публикация заказана и оплачена звонкой монетой.

И ведь что получается, когда специалисты в области литературы пытаются разобрать очередное творение незадачливых беллетристов? Они начинают прославлять одних (как правило, известных и «раскрученных») и ругать других (начинающих и несостоявшихся) авторов-остросюжетников, даже не пытаясь применить ни к тем, ни к другим правила «хорошей» (я бы даже сказал: истинной) литературы. Почему сегодня критики стараются сравнивать наихудшее с худшим? К чему равняться на литературных поденщиков? Не правильнее ли ВСЕГДА обращаться к творчеству «серьезных» писателей, настоящих мастеров слова?

Взять, к примеру, Юрия Полякова. Богато расцвеченный метафорами язык и многочисленные аллюзии свидетельствуют, как о начитанности автора, так и о таланте тонкого стилиста. И ведь с каким интересом читается его проза, написанная в жанре «гротескного реализма». Нет тут ни дурацких ужасов, ни глупого мордобоя, ни назойливых непристойностей. По сути, нет никакого остросюжетного повествования, но, в то же время, автор настолько умело и увлекательно раскручивает нить интригующей фабулы, что невозможно оторваться от текста. Тонкий юмор соседствует с грустными размышлениями о греховности человеческой природы, а неприкрытая правда жизни – с верой в стойкость и милосердие человека. И все это «сервировано» и преподнесено с таким вкусом, что получаешь истинное удовольствие от чтения. Всем бы научиться писать так, как это делают Юрий Поляков, Юрий Козлов, Александр Сегень, Руслан Киреев, Михаил Чулаки – целая плеяда «постсоветских» писателей-реалистов. В их произведениях вы найдете и глубокий психологизм, и динамику повествования, и неординарные философские размышления, равно как порадуют вас богатый словарный запас и прекрасный слог.

Вообще, за всю историю развития остросюжетной беллетристики весьма часто прослеживаются попытки авторов (по крайней мере, лучших из числа представителей «несерьезных» жанров) писать по требованиям «большой литературы». Иногда эти попытки сводят на нет все дело, если в угоду «серьезности» писатели отступают от канонов своего жанра (высокопарщина, резонерство и нудные психологические отступления донельзя раздражают любителей детектива и фантастики). В других же случаях старания походить на произведения «главного русла» увенчиваются успехом, и тогда рождаются яркие запоминающиеся (и волнующие еще очень долго множество читателей) бестселлеры, а то и шедевры.

В этой обзорной статье речь пойдет о книгах уфимского автора Всеволода Глуховцева – «Башня под облаком» и «Полнолуние». И вместо того, чтобы сравнивать названные произведения с получившими известность бестселлерами других авторов того же жанра, давайте, лучше рассмотрим особенности стиля и содержание литературных опусов нашего земляка, и уже потом решим, что нового автор внес в современную отечественную литературу.

К «чистой» научной фантастике произведения Глуховцева не отнесешь, как не отнесешь и к детективному жанру. Остросюжетная мистика? Скорее да, но все же это определение не полностью охватывает весь круг творческих интересов писателя. Пожалуй, мы

имеем дело с сюрреалистической «черной» фантастикой с элементами мистики и детектива. Повесть «Полнолуние» – типичный триллер в духе мрачного режиссера Джона Карпентера («В пасти безумия», «Они живы» и т. п.). Действие разворачивается исподволь на фоне российской действительности – армейских повседневных будней. Автор достаточно умело рисует неуклонно нарастающее напряжение, атмосферу страха и растерянности в одной из воинских частей, расположенной, как выяснилось, в гиблом месте. С военнослужащими творится неладное, происходят жуткие убийства, причину которых невозможно объяснить с позиций здравого смысла и рациональной логики. Игнорирование со стороны командования сверхъестественного фактора приводит к неумолимой развязке. В конце концов, автор соизволил объяснить нам, что причина в открытии безумного гения, создавшего некий эликсир – мощное психоделическое вещество, употребление которого расширяет границы сознания, одновременно отворяя врата в мир астральных существ. Но тут же логика повествования у Глуховцева рвется, т. к. предыдущие (задолго до «открытия века») самоубийства солдат не объясняются действием препарата.

Финал кошмарен: в наш мир темным, кровавым потоком хлынуло безумие и нечеловеческая жестокость. Словом, кругом мерзость и сплошная безнадега! Все же снова не удержусь от сравнения: вероятно, автор при создании сего творения находился под впечатлением творчества, с одной стороны, Ф. Кафки, Г. Лавкрафта и С. Кинга, а, с другой – Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского.

Хотя, честно говоря, обвинять нынешних авторов в эпигонстве как-то некорректно – ведь все возможные сюжетные ходы и линии уже использованы сотни, если не тысячи раз, и написать (придумать, смоделировать) что-то действительно новое, свежее и оригинальное по-настоящему трудно. Вот и подражают своим великим (и не очень) предшественникам, продолжая традиции той или иной школы, направления, стиля. О мраке, жути и безысходности я уже говорил выше.

Повесть «Башня под облаком» В. Глуховцева – не столь страшна и ужасна, но столь же наполнена модальностью безысходности и отчаяния. Здесь мы сталкиваемся с чистым «сюром» (раньше говорили: ахинеей), гротескным отображением реальности. Герой мечется по страницам книги, потерянный и жалкий, неизвестно что пытаясь доказать самому себе или окружающим, пока не попадает в иную реальность, где царит доведенное до абсурда революционное насилие. Он ясно понимает, что никакого будущего у него уже нет, и обратно в свой мир ему тоже не вернуться. Тут повествование и обрывается. Не совсем понятно, что хотел сказать этим автор, и для чего это вообще написано?

Если говорить о стилистических погрешностях автора, то в обеих книгах мы можем обнаружить целый сонм лексических ошибок, литературных ляпов и смысловых недоразумений. Возьмем, к примеру, повесть «Полнолуние». С первых же страниц встречаются архаизмы. Например, комбриг – это звание до введения погон (начдив, командарм и т. п. в Красной Армии). Напомню: действие происходит в конце XX века. Или вот еще архаизм: «надел галифе» (с. 74). Позвольте, где вы видели военнослужащего российской армии, носящего галифе на пороге XXI века? Нонсенс. Чуть далее на третьей странице читаем: «утробного ворчания...пельменей». Пельмени могут *урчать* в желудке, *ворчат* люди. На стр. 4: «рывком захотелось домой». Интересно, откуда у автора этот ляп – «захотеть *рывком*» – из глубин подсознания? Автор допускает еще одну смысловую ошибку (на той же с. 4): пафос может быть (присутствовать) в речи, в произведении, в искусстве, в труде и свершениях, но не в *человеке* же!

Следует отметить и тавтологические недочеты: брюхо и снова брюхо (с. 6), голос и голос (с. 25), безнадежная надежда (с. 26) и т. п. Вот еще один откровенный ляп: сошедшие над переносицей продольные (!) морщины (с. 10). Наверное все-таки вертикальные. Или такой перл: «Зимин...моментально *вернулся в свой имидж* (с. 20). Имидж приобре-

тают, сохраняют, поддерживают, но не возвращаются же в него! И так почти на каждой странице. Стр. 24: «*тесный* воздух» (спертый?). Стр. 25: «страх имел место» (место быть, место исхода?). Там же: «расставленные ноги» (как расставленные: широко?). А вот безграмотность человека, вероятно отслужившего в свое время в рядах СА: вначале указывается, что герой попал в погранвойска, а потом оказался в армии (?). Выходит, погранвойска – это не армия? На стр. 32 автор, по крайней мере, раз десять повторил местоимение «ОН», а на следующей – еще с десяток «ОНов». Каков автор, таков и слог.

Присутствуют в тексте обеих книг и ненужные длинноты. Автору нельзя забывать, что краткость – сестра таланта.

Что ж, подведем итоги. Глуховцеву необходимо очень серьезно работать над стилем и слогом, уделяя особое внимание лексическим несообразностям. Фантазии как видно у автора хватает (а то и через край бьет), руку на сюжетных ходах он набил, все дело в мастерстве стилиста, а вот его то мы как раз и не заметили, хотя искали весьма усердно.

Виктор Ханов **«Творческие порывы юности или** **Стилистическая безграмотность?»**

Рассказ молодой писательницы Ольги Шевченко «Обманутая Цеце, или Кому помешал Дымшиц», опубликованный в «Бельских просторах» (№ 10, 2002) вызывает неподдельный интерес. По объему это произведение близко к новелле. Жанр – социально-психологический с элементами детектива. Сразу нужно отметить, что на фоне своих прежних произведений автор добилась заметного прогресса, ее литературное мастерство явно растет, а присущие ранним рассказам уныло-мрачноватые пассажи уступили место более жизнерадостному мировосприятию (но все еще с оттенком пессимизма и непонятной применительно к юной особе фрустрации).

Тематика – «жизнь и смерть» интеллигентской прослойки в ультрасовременном российском обществе «победившего псевдокапитализма». Главная тема – повседневная жизнедеятельность постсоветского «среднего человека» – выходца из советского среднего класса. Раскрыта ли эта тема? В том отношении, что автор не бралась за неподъемные описания в духе Маркеса, ей это очевидно удалось. Проблематика рассказа идейно-нравственная, заключена в постановке вопросов, направляющих внимание читателя к той системе ценностей, нравов и убеждений, которые свойственны описываемым персонажам, а именно: рациональность сознания насквозь прагматичного человека «информационной эры», уживающаяся (и порою, отнюдь не мирно) с иррациональными мотивами и проявлениями подсознания (суеверия, предрассудки, фобии, obsessions). Достаточно высокий уровень культуры и широкий кругозор соседствуют с неустроенностью в личной жизни и житейской беспомощностью главного героя.

Основная идея выражена в развязке и предстает перед нами как попытка автора поставить в деятельности человека во главу угла именно стихийное начало темного Бессознательного. Кажущаяся бессмысленность совершенного преступления на самом деле имеет вполне здоровое объяснение в логике человека, одержимого навязчивой идеей доказать неправоту оппонента, разрешив спор убийством и тем самым опровергнув глупые, с его точки зрения, предрассудки жертвы (тот верил, что примет смерть от мухи цеце, а погиб от руки соседа). Вроде бы налицо импульсивное поведение, необдуманные действия, приведшие к трагической развязке, но все же продиктованные «упертостью» менталитета русского человека, убивающего частенько «не корысти ради, а токмо» за идею. Но не будем спешить с оценками. Импульсы-то эти возникают в сознании не из воздуха, а поднимаются из глубин нашего собственного подсознания. А уж в сознательной сфере эти иррациональные импульсы и инстинктивные влечения, соединившись с теми или иными намерениями и осознанными потребностями, толкают человека на самые разные, бывает, весьма неблагоприятные поступки.

Зорин у Шевченко совершает непредумышленное убийство в состоянии аффекта (идефикса) и не без пагубного влияния алкогольного опьянения. Он не злодей и не антигерой, скорее, несчастный человек, управляемый своими деструктивными психическими силами. В этом весь пафос рассказа – в чем-то трагический, в чем-то иронический и немного сентиментальный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.